Р.
4415876
УЧТЕНО 1949 ИЛ
УЧТЕНО 1947 ИЛ

Апрель. МОСКВА—1921 г. Апрель.

№ 13-14 „ВОЛЬНАЯ ЖИЗНЬ“ № 13-14

ВСЕРОССИЙСКАЯ ФЕДЕРАЦИЯ АНАРХИСТОВ-КОММУНИСТОВ.

Редактор А. А. Карелин.

Москва, 1-й Дом Советов, комната № 219.

Ф. Витязев

СОДЕРЖАНИЕ: „Сумерки жизни“—*Р. Эрманд.* „Против синдикализма“ — *В. Хрусталев.* „Человеку“—*А. Консе.* „Анархизм и театр“—*Г. И. Шухмин.* „Анархистка“—*Ольга Приморская.* „Альбом Анархистов“:—*М. А. Бакунин*“ *В. Худолей.* „Сонеты“—*Роберт Эрманд.* „Смертная казнь“.

УЭЖ
В817

БИБЛИОТЕКА ИМЭЛ при ЦК ВКП(б)

СУМЕРКИ ЖИЗНИ.

А. К.

Есть сумерки в жизни и жутким кошмаром
Повита бездонного неба лазурь;
Земля вся об'ята кровавым пожаром,
В немом ожидании Смерти и бурь.
Безумия Демона слышится пляска
И хохот безумный вблизи и вдали,
Поруганы Храм мой, Молитвы и Сказки,
При новом безмолвьи Богов и Земли.
Черным злословьем и вечным презреньем
Разбита Богиня моя—Красота.
И снова становится лишь сновиденьем
Любимая мною подруга—Мечта.
И люди, с дыханием злобным Гиены,
Бегут все к потокам кровавой реки.
И колокол, эхом последней измены,
Поет им последнюю песню Тоски.
И мнится, что в этой печальной юдоли
Буду я вечно и вечно один.
Но не сломить никому моей Воли,
Пусть одинок я, но я—Паладин.

Р. Эрманд.

Против синдикализма[1]).

Всякое произвольное действие человека, при повторении превращается в привычку, а привычка требует повторения этого действия при возникновении подобных же обстоятельств.

„Привычка свыше нам дана,
Замена счастию она“—говорит Пушкин, указывая на значение привычки в человеческой жизни. Все поступки и взаимоотношения людей при повторении превращаются в привычные и привычка играет такую же роль в обществе, как закон инерции в физике.

Преобразование общественного строя всегда связано с преодолением старых привычек и воспитанием новых. Привычку же всегда преодолевает инициативное меньшинство, сознательно устанавливающее новые взаимоотношения людей и, увлекая большинство своим примером, прививающее новые привычки, закрепляя таким образом свои преобразова-ия. Инициативное меньшинство — те „Герои, борцы, полубоги,
Озарившие светом дороги
Человеческой нашей семьи...“
вот, кто „Ваяет сердца молодых поколений
По твоим образцам, созидающий
гений („Действие“—Э. Верхарн.).

Меньшинство, представляемое партией коммунистов-большевиков, преодолев косность масс, разрушило старый строй России. Но, вступив на путь государственного строительства, оно оттолкнуло массы законодательным принуждением и изолировалось (уединилось) от них в своих попытках социалистического строительства. После трехлетней годовщины Октябрской революции небольшому революционному меньшинству противостоит нереволюционная, а порою и контр-революционная масса, стремящаяся вести общественную колесницу не вперед к безгосударственному коммунизму, а назад—к частичному восстановлению капитализма.

Анархическое меньшинство, стремится увлечь за собою массы не принуждением, а

„Источая лучи вдохновенных примеров,
От которых не могут спасти староверов,
Ни заборы, ни рвы, ни замки, ни ключи,
Ни молитвы церквей, ни мечи...“ („Действие“—Верхарн).

Поэтому анархисты не могут расчитывать преобразовать общество, опираясь на существующие принудительные организации, которые отталкивают от себя массы, а не увлекают их. Строить же рядом с ними новые, добровольные организации, привлекая в них беспартийные массы, было бы большой ошибкой. В лучшем случае, эти созданные анархистами свободные организации отразили бы лишь нереволюционный дух большинства, а в худшем они просто стали бы орудием в руках контр-революционных партий, имеющих в настоящее время больше приверженцев, чем анархисты. Во всех трех случаях нам пришлось бы лить воду на чужую мельницу.

Библиотека Института Ленина при Ц. К. В. К. П. (б)

Примечание: 1) „Вольная Жизнь“ в целом не стоит на точке зрения антисиндикализма.

2) Разумеется, мы возражаем против синдикализма не всегда и при всяких условиях, лишь в современных условиях.

Таким образом для анархизма остается единственный путь—строительство своих партийных организаций и сохранение своей программы во всей ее чистоте.

Вот почему мы считаем в настоящий момент бесплодными все синдикалистские попытки и не считаем первыми ячейками грядущего строя ни существующие профсоюзы, ни те, которые могут быть созданы усилиями пропагандистов.[2])

Анархические группы обычно об'единяют своих членов или по симпатии, или по месту жительства, или по месту работы, или по промыслу. Вот промысловые группы анархистов, которые могли бы по осуществлении Анархии стать ядрами новых производственных союзов,—нам нужны теперь.

Конфедерация промысловых групп анархистов и об'единит то инициативное меньшинство, которое своим примером предолеет в массах старые привычки и воспитает новые. „На другой день после осуществления“ анархистского строя, большинство, закрепляя своим признанием завоевания меньшинства, вольется в наши промысловые группы и превратит их в общественные органы управления производством.

В. Хрусталев.

Человеку.

Природа не создала ни слуг
ни господ, я не хочу ни давать
ни принимать законов.

Дидро.

Над миром грохочет наш Черный Набат,
Набат Бунтопьяного Пламени.
Небесные буквы стоцветно горят
На нашем Ликующем Знамени.
Небесные буквы, сливаясь в слова,
Предвечную Правду вещают:
„В Великой Природе Свобода всегда
Единый Закон представляет“.
Свободно творятся планеты, миры,
Их творчество Волей зовется:
Попробуй Природе сказать: не твори!
Она над тобой разсмеется.
Свободно рождая растений тела,
Земные различные твари,
Свободно вкруг солнца кружится земля,
Планеты пылают в пожаре.
Свободен в пространстве, в теченьи времен
Закон Познавательный Мира.
Природе не нужно „великих имен“
И идолов—тленных кумиров.
Природе не нужно духовных цепей,
Не нужно законов и власти:
Ведь каждый в Природе Свободен „Ничей“
И каждый в Природе Безвластен.

Ведь каждый в Природе творит извнутри
И Внутренним „Вне“ постигает;
В природе смешны и рабы, и цари:
Ведь власти Природа не знает.
Зачем же ты сделал себе, Человек,
Тюрьму из Свободного Мира?
Зачем опозорен Безвластный твой Век
Похабною пляской Кумиров?
Зачем ты воздвиг вкруг себя алтари
И склепы: музеи и храмы?
Взгляди вкруг себя, Человек! о взгляни!
Свобода царит над мирами.
Ты чтишь, Человек, сонм „Великих имен“,
Их призрак тебя посещает.
Взгляни: в безпредельном пространстве времен
Планеты, миры погибают.
И в память погибших миров и планет
Никто не воздвиг пирамиды.
Для мертвых у Логоса времени нет:
Ведь Смерть для живых не обида.
Ведь Смерть это также Великая Жизнь,
А в творчестве Жизнь разрушает.
Всевечное Слово и Смысл: Анархизм
Понятия эти сближает.

. . . .

Взгляни, Человек, вкруг себя! о взгляни!
Нет Бога и Богоприроды.
В Природе Свобода: все части — равны,
Равны в ней столетья и годы.
Над каждым творящим в Природе „Nihil“
В могучем венке Всеоб‘ятья.
Великий разсыплется в Космосопыль,
Все атомы—равные братья.
О будь, Человек, как Природа, велик
И будь как Природа, Безвластен.
Пусть твой Бунтопьяный Ликующий Лик
Всегда остается прекрасным.
Пусть светит он Волей Святою Своей,
Избегшей фатальных проклятий,
И пусть в Панпсихеме Безвластных Идей
Приемлет он все без из‘ятий.
Приемлет туманы и тени, и тьму
И звезды, и яркое солнце,
Приемлет немую больную тоску
И смех, колокольчиков звонче,
Приемлет миллионы Безвластных Людей,
(Безвластники—Равные Братья)
Пусть ты, Человек в Свете Новых Идей
Откроешь Вселенной Об‘ятья.

И станешь Великим, Обширным, как Мир,
И встанешь, как солнце, над Миром...
Долой же кумиры! отвергнем Кумир!
Мы выше Богов и Кумиров!..

Анатоль Конге.

Анархизм и театр.

В ожесточенных спорах о театре, его кризисе, значении и направлении до сих пор никак не разберутся специалисты.

Над театром три года стоит мрак.

Мрак—лучший фонд для идеала, который никогда не заключал-бы в себе столько прелести и красоты, если бы достижение его было легко и возможно.

Господствующее течение, в чьих руках находятся судьбы нашего театра говорит, что театр должен стать на путь коммунистической пропаганды.

Буржуазный театр был руслом, через который в широкие массы мутным потоком лилась идеология буржуазно-мещанских понятий.

Он был на лакейском услужении у правящих классов.

Пришел новый Господин и перевертывает равнение театра в другую сторону.

Снова театр идет в услужение и его идеология должна выявить формы нового Государственного Строительства.

Театр должен быть ареной пропаганды государственного коммунизма, но есть еще другой коммунизм—свободный анархический коммунизм, вот этот-то коммунизм и есть тот идеал, к которому всякий мыслящий человек должен стремиться.

Теперь говорят — переходное время и все должно быть сосредоточено на закреплении завоеванных позиций, но это — ересь.

С кем теперь должна быть борьба?

Где тот враг, который опять хочет опутать освобождающягося человека.

Кто на него снова хочет наложить цепи и остановить ход Революции к полному раскрепощению нашего народа?

В лозунгах руководителей Тео Наркомпроса: „долой аполитичность театра", мы слышим уже вызов передовому мыслящему пролетарию.

Но политика всегда отравляла сознание народных масс.

Политика наших дней всем ясно показала, что она есть измышление сильных над слабыми, и что только она отравляет жизнь всех народов и разлагает их морально.

Нужно-ли нам в театре стремится к тому, чтобы какая-то там политика, другими словами, махинация правящих партий, снова приспособила-бы нас к затемнению широких пролетарских масс и через театр работники искусства косвенно участвовали-бы в политической чехарде?

Конечно нет.

Но защитники „нового домостроя" вопят изступленно, что театр должен быть классовым.

Кто в настоящее время с этим спорит?

Но пролетарский-то класс при современной государственности останется-ли целым не разобьется-ли он на богатых и бедных, на „верхи и низы“.

Не будут-ли в нем расти наслоения к оторванности, к изолированности одних от других.

Кто поручится, что пролетарский класс останется без недостатков, не придется ли ему самому вести внутри себя борьбу с приобретенными пороками и в особенности с теми членами, которые отрываясь от массы уходят в чиновники и силою вещей оправдывают чиновничий паразитизм.

Борьба в нем нужна, так-же нужна, как и во всяком человеке честность, когда ум и сердце у него приходят в столкновение.

Вот эта борьба и поведет к тому, что класс растворится во всечеловечестве и его не будет, как пережитка борьбы за первобытные формы человечества.

Спасение театра и его назначение не в классе, а вне класса.

Для нового театра нужно создать новый репертуар.

Тео Наркомпроса видит спасение нашего искусства и театра в создании революционного репертуара.

О какой он еще революции говорит?

Если о закреплении новых форм, достигнутых революцией, то это—не одно и то-же.

Но говорят, что мы должны вступить на путь мирного строительства и изживать старые формы,

Неужели у новых форм нет недостатков и их не нужно исправлять?

В процессе войн, теперешняя государственность впитала в себе массу гнили; вот от этой-то гнили она должна очищаться.

Репертуар наших театров должен быть революционным, он должен быть полон пафоса и энтузиазма.

Революция—борьба.

С кем-же мы должны бороться? Мы все знаем, что буржуазный театр был слишком литературен, он был книжным.

Цензура строго держала его в рамках своей идеологии.

Воставать против существующего порядка было государственным преступлением.

И мы видим, что в таких пьесах где бунтовала личность против деспотов, как в Вильгельм Телле, нельзя было полно отразить то, что было в сердцах как писателя, так и зрителя.

Государство подчиняло себе репертуар театров, оно подчиняло его своему оправданию.

Оно его духовно растлило. Распяло театральную революцию и низвело до сосуда с ядом, через который отравлялся народ.

Для того, что-бы театр был чистым жертвенником, другом народных масс, он должен быть бунтарским.

Он должен порвать с государственной драматургией и искать спасения от распада и растления в самодеятельном творчестве народных масс и актерских свободных кооперативах, властно становящихся против Государственно-чиновничьего театра номер первый, второй, третий и т. д

Свободные кооперативы работников искусств будут создаваться из квалифицированных работников, а государство будет наводнять свои театральные предприятия лодырничающими диллетантами, видящими в театре только богадельню социального обезпечения.

Кроме того идеология театра с его репертуаром революционным, должна идти не сверху где сидят ученые политики и государственники, а от своей цельной души, от самотворчества широких масс и его психологии, подчас чуждой правящему классу.

Тот театр, в котором благородные порывы будут сменяться самопожертвованием, где на ряду с борьбой за лучшее будущее, мы будем видеть борьбу освобождения от навязанной массами государственности, где постепенно будут отмирать придатки буржуазной идеологии, где мещанство нынешних дней сменится призывом к подлинному равенству, братству и свободе, где общество в свободных анархических ассоциациях отойдет от подлого, по выражению М. Горького, яда власти над человеком, где освобожденный человек, как говорил Бакунин отойдет от государства, как от абстракции, пожирающей народную жизнь.

И вот тогда, когда наш театр своим революционным репертуаром поведет новую борьбу за новую более лучшую жизнь, когда он станет трибуной и пойдет на борьбу с государством, как самым вопиющим, самым циничным и самым полным отрицанием человечества по словам Бакунина и Кропоткина, только тогда в театре будет энтузиазм и пафос.

Г. И. Шухмин.

АНАРХИСТКА.

А. А. Боровому.

Песнь моя звенит свободно:
Я — сестра свободных муз.
Славлю песней всенародно
Анархический Союз.
„Люди — мне родные братья.
Верю в гибель злых времен“.
Так хотела-б начертать я
На шелках родных знамен.
Черной розой уродилась:
Я — дитя Родной Весны,
И не мне-ль одной открылась
Тайна солнечной страны...
Где-то веет тень царизма...
Совесть Каина в крови...
Но в сияньи Анархизма
Светит свет живой любви.
Белый призрак не спокоен:
Ищет крови, как вампир...
Но красив, велик и строен
Мой любимый новый мир.

Я разсею мрак царизма.
Брось винтовку, милый брат.
Здесь под солнцем Анархизма,
Для усталых — нежный сад.
В нем — чудесное растенье,
В нем цветущий океан
И простор и исцеленье
Для твоих открытых ран.
„Черной Розой"—уродилась:
Я—дитя Родной Весны.
И не мне-ль одной открылась
Тайна солнечной страны...
„Люди — мне родные братья.
Верю в гибель злых времен."
Так хотела-б начертать я
На шелках родных знамен.
Песнь моя звенит свободно:
Я — сестра свободных муз.
Славлю песней всенародно
Анархический Союз.

Ольга Приморская.

Москва. 16-го февр. 1921.

Альбом Анархистов. М. А. Бакунин.

„Жизнь предшествует мысли„—такова основная предпосылка, красной нитью проходящая через все учение Бакунина, выражая идею первенства воли над разумом. Воля есть сила, проникающая все живое и соответствующая стихийным силам природы. Разум есть орудие воли которое, обобщаяи систематизируя свои наблюдения, вносит единство в многообразие внешнего мира, давая руководящие нити для действия. Поэтому жизнь шире науки и никогда не будет исчерпана ею. Она не может быть применением той или иной человеческой теории. Жизнь есть творчество и теории следуют за жизнью, указывая ее направление и об'ясненяя ее.

Переходя к вопросу о сущности мира, Бакунин из своей основной предпосылки делает материалистические выводы. Вопрос об отношении духа к природе разделял в его время философов на два лагеря. Идеалисты, предполагая что дух предшествует природе, признавали духовное начало основным и верили в существование бога. Материалисты, предполагая что природа предшествует духу, считали основным материальное начало и отрицали существование богаотсюда. Бакунин делал свои атеиские выводы.

В области социологии Бакунин из своей основной предпосылки делал вывод об определении общественного сознания общественным бытием примыкая к школе исторического материализма. Он признавал, что развитие идеологии, политических форм и правовых отношений определяется развитием производительных сил.

Движущей силой общественного развития служит борьба творческих и разрушительных стремлений. Со времени разделения общества на

классы движущей силой истории становится классовая борьба. Источником распадения общества на классы служит разделение общественного труда на нервый и мускульный, закрепленное посредством учреждений в менее поколений человеческого рода. Классы исчезнут с уничтожением государства, частной собственности и разделеня труда на нервый и мускульный, а также с распространением в массах образования.

Концентрация капиталов и развитие средств сообщения связывает все народы в один хозяйственный организм. Единство тенденций экономического развития ведет к разделению всего человечества на два враждующих лагеря—пролетариат и буржуазию, при чем каждый из них проникнут чувством международной солидарности и борьба носит мировой характер.

Переход к тактике Бакунин из своей основной предпосылки делает вывод о том, что факты предшествуют законодательству. Общество изменяется не путем появления новых норм законов, стремящихся изменить общественные отношения, а наоборот, общественные отношения изменяются сперва фактически, благодаря личной или групповой инициативе, и затем уже общественное сознание закрепляет их в форме обычая. Поэтому рабочий класс должен преобразовать общественный строй путем прямого действия. Всякое законодательное принуждение отталкивает массы, тогда как инициатива, пример, увлекает их и увлеченная масса, путем самодеятельности, разрушает и творит.

Так как творческие, общественные инстинкты воспитаны на народных массах всей предшествующей историей и общество благодаря им гарантировано от опасности самоуничтожения—то задачей анархистов должна быть организация разрушения старого мира, чтобы открыть простор творчеству нового. „Дух разрушения есть в тоже время созидающий дух". Необходимо воспитание в этом смысле классовой воли пролетариата, а главным средством для этого служит классовое бунтовство.

Новое общество возникает из гражданской войны, будучи продуктом творчества новых поколений. Оно сложится снизу вверх, от простого к сложному, применительно к потребностям и нуждам населения. Общественное владение орудиями и средствами производства и всемирная конфедерация трудовых артелей составит его основу.

В. Худолей

Сонеты.

I.

Грешница.

Они пришли к Нему. Над Грешницей прекрасной
Суда жестокого безумцы тихо ждут.
„Что скажешь Ты о Падшей и злосчастной?
В Законе сказано: камнями их побьют".
Умолкли все. Со злобою напрасной,
Они Его ответ в Законе ненайдут:
„Безгрешны ль Вы? Иль грешники идут
Над нею суд творить безумный и ужасный".
„Кто осудил тебя? Не твой ли обвинитель".

Спросил Он грешницу и сердца, и души.
Она Ему в ответ: „Никто, никто, Учитель!"
„Могу ли быть судьей истерзанной души?...
Есть Высший суд, есть Вечный Искупитель.
Иди же, женщина, и больше не греши".

II.

Gloria Mundi.

Другу моему Е. Х.

Кто отдал жизнь свою хаосу прозябанья,
Тому свершить полет высокий не дано;
Вкусить бессмертных тайн великого познанья
Слепцу предвечному еще не суждено.
Творец лишь тот, чье, пламени желанья,
Безумью гордому все сердце отдано;
В ком есть огонь живой мятежного исканья,
Лишь тот от жизни пьет священное вино.
Царь жизни тот, кто жизнь благословляет
И гимн слагает ей на празднествах богов,
Кто тайны божества и жизни постигает.
Лишь вечный раб и стонет и взывает...
Но он всему чужой. Под тяжестью оков,
В тоске рыдающей, он вечно погибает.

Роберт Эрманд.

Москва. Апрель 1921.

Смертная казнь.

Нередко нам говорят, что хотя смертная казнь и является остатком варварского прошлого, тем не менее обстоятельства данного времени и места делают ее применение необходимым. В России в XX-м столетии казнили смертью за принадлежность к социалистической пиртии и за анархические убеждения, а в другое время за принадлежность к монархической партии. В древнем Риме христиан казнили смертью за то, что они не поклонялись языческим богам. В Испании и других странах людей казнили за знакомство с чертями и т. д. Все эти казни производились как раз тогда, когда их считали нужным произвести и как раз в тех местах, где они были признаны „полезными". Но это не помешало им быть безполезными убийцами.

В некоторых случаях мы встречаемся с заявлением, что смертная казнь будет отменена тогда когда, в государстве наступит полный порядок и успокоение. Странное заявление! Не растреливать же людей, соблюдающих полный порядок.

Если для контр-революционеров и приемлемы доводы бывшего члена государственного совета протоиерея Буткевича, заявившего себя противником смертной казни, но утверждавшего, что в известные исторические моменты она необходима, то мы не можем согласиться с такой лицемерной аргументацией. Такими доводами смертная казнь утверждается навсегда и они доказывают только растерянность некоторых сторонников

того или другого правительства. Расматриваемый аргумент выдвигал бывший министр юстиции Щегловитов, в свою очередь казненный смертью в революционное время. „Отмена смертной казни за политические преступления,—говорил он,—требует прежде всего, наступления в государстве полного порядка и успокоения страны“.

Этот довод за смертную казнь заимствован у мало талантливого Французского фельетониста Альфонса Карр. Он написал когда то, что смертную казнь надо отменить, но „que messieurs les assassins commencent“, „пусть начнут господа убийцы“. Эта плохая острота, которой и Карр придавал не большее значение, чем любой фельетонной шутке, не может считаться, чем то серьзным. Проф. Таганцев говорит об этом „доводе“, что принятие его означает, прежде всего, признание безсилия государства которое будто бы зависит от убийц в деле проведения необходимой меры. Еще Екатерина II знала возражение на этот слабый довод:—„правительство должно бороться с преступлением, не подражая ему“. Что это было бы за правительство, которое ждало бы уроков и образцов от своих подсудимых“, спрашивал Г. Петров.

Защищая смертную казнь, пытались сослаться на авторитет. Но на беду все авторитетные криминалисты—противники этого варварского наказания. Ссылались на непризнанный авторитет Листа, хотя и он отказался в эпоху царизма (отказался бы и в настоящее время) высказаться за применение смертной казни в России. Действительно авторитетный криминалист Таганцев сорок лет учил своих слушателей, что смертная казнь несправедлива и вредна.

Сторонники смертной казни, если они заблуждались добросовестно, ближе ознакомившись с этим вопросом„ становятся противниками этих законных злодеяний. Яркий пример представляет в этом отношении проф. Ломброзо, бывший в первое время своих занятий юриспруденцией ярым приверженцем этого свирепого наказания. „После долгих размышлений,—писал он в июле 1906-го года—я также сделался противником смертной казни. „Частое применение этого наказания Ломброзо считает варварством, а редко применяемая смертная казнь является страшно развращающим зрелищем и не соответствует нравам нашего времени.

Даже тот циничный довод в пользу этого жестокого наказания, а именно, что оно обходится государству дешевле других наказаний (мало ли что дешево) упускает из вида, что заключение могут окупить свое содержание работой, которая является вместе с тем и единственным развлечением мрачной, безотрадной жизни этих рабов государства.

Нельзя привести ни одного довода в пользу того положения, что смертная казнь хоть когда либо была нужна человечеству: она всегда была вредной и лишней.

Смертная казнь, это убийство человека людьми же, промышленное убийство человека, который не может защищаться, у которого отняты все средства самообороны. Предумышленное убийство заведомо беззащитного. Убийство беззащитного это—едва ли не подлейший из подлых поступков и из того, что его подготовили несколько человек, из того, что он называется казнью убийство не становится хорошим или безразличным делом. По общему мнению, оно безчестит палача. Бесспорно и то, что оно бесчестит и подстрекателя палача—судью, который приказал застрелить, задушить или зарезать человека. Безчестит и законодателей,

по невероятной наивности думающих, что низость перестает быть низостью, если они сами ее делают.

Мы—русские, создавшие поговорку „лежачего не бьют“,—быть может, неизмеримо больше кого либо из других народов,—возмущаемся убийством безоружных. И ничего с нами не поделаешь. Сто лет тому назад Мордвинов говорил:—окованный, лишенный свобод, предаваемый смерти... не есть ли жертва бесполезная и невинная“.. Смертная казнь,—справедливо пишет проф. Н. Н. Розин.—„противна“ нам, как писал уже Хомяков, как думали Елизавета, как думали наши предки Эпохи Владимира Красного Солнышка, жившие по „устранению отню и дедню“. Это „слава племени славянского“, лишь затемненная влиянием Византии, татарства и немецкого абсолютизма“.

Робеспьер говорил в национальном собрании Франции, что „человек, убивающий ребенка, которого он может обезоружить и наказать,—чудовище. Обвиняемый, которого осуждает на смерть общество, сравнительно с обществом еще более слаб, чем ребенок перед взрослым.. И поэтому в глазах правды и справедливости эти сцены казней—лишь отвратительные убийства“.

Но Робеспьер, опьяненный властью, забыл свои протесты против смертной казни, сам стал ее сторонником, и ничего не добился, применяя ее, но подорвал авторитет республиканской власти и сам пал жертвой этого „отвратительного“ убийства.

Смертная казнь, —это холодное, расчитанное на полную безнаказанность предумышленное убийство совершается вне какого либо деффекта, вне душевного страстного порыва. Смертная казнь преступнее убийства не столько потому, что предусмотрительность и самозащита не могут спасти человека, сколько потому, что от приговора до казни проходят часы, а иногда и дни, в течении которых предсмертной тоской мучится человек такою тоскою, перед ужасом которой бледнеет та мука, при наличности которой отрывается жизнь от здорового тела. И в то время, как один человек изнывает в без‘исходной тоске, другой, пославший его умирать человек предавший его палачу судья, этот Каин и часто Иуда вместе, наслаждается благами жизни. За исключением немногих через чур уж испорченных нравственнных уродов, судья человекоубийца боится присутствовать при убийстве своей жертвы. Он боится убить ее сам и предает обреченного на убийство палачу, покупает или как нибудь добывает себе соучастника.

Того же мнения придерживается и Владимир Соловьев, говоря о постыдности смертной казни.:—„будучи нечестивою и безчеловечною, смертная казнь имеет и постыдный характер, который уже давно закреплен за ней общественным чувством, как это видно из всеобщего презрения к палачу. Война, дуэль, открытое убийство могут быть безчеловечны, ужасны, с известной точки зрения безсмысленны, но особого специфического элемента постыдности в них нет. Что бы ни говорили сторонники вечного мира, военный человек, сражающийся против вооруженных противников с опасностью собственной жизни, ни в коем случае не может возбуждать к себе презрения.

Хотя дуэль нельзя и сравнивать с войною, хотя дуэлист справедливо вызывает негодование и преследуется, как за преступление, но все таки человека, выходящего на барьер, никто за одно это искренне не презирает и по той же причине: этот человек возвышается по крайней

мере инстинктивным страхом смерти и показывает, что его собственная физическая жизнь сама по себе без известных нравственных (хотя бы и ошибочно понятых) условий не имеет для него цены. То же до некоторой степени можно сказать и про иные случаи убийства. Но вся эта сторона самопожертвования или риска собственною жизнью и свободой, оправдывающая войну, извиняющая дуэль и даже смягчающая в известных случаях ужас прямого убийства,—в смертной казни совершенно отсутствует. Здесь заранее и заведомо обезоруженный и связанный человек убивается человеком вооруженным, совершенно ни чем не рискующим и действующим исключительно из ниского своекорыстия, отсюда специфически постыдный характер смертной казни и безграничное всеобщее презрение к палачу".

Архимандрит Михаил говорил: „в тоже время, как убийство в аффекте есть нисший вид и тип убийства, убийство по суду есть высший вид и наиболее преступный тип".

Хорошо бы было, если бы судьи, хотя бы только мысленно, попробовали очутиться на месте казнимых. Быть может они перестали бы, злодействовать.

Мы не можем подробно останавливаться в этой работе на характеристике таких судей. Заметим только, что А. И. Герцен был прав, говоря что „дикая расправа царя-звеؗролова в Африке, который собственноручно призывает преступника, совсем не так далека от расправы судьи, доверяющего другому убийство".

Явные или незримые слезы, слезы обиды, которые роняет обреченный на неизбежную насильственную смерть очищают его, как очищает всякое страдание.

Мученичество, которым страдает обвиняемый, искупает его вину и палачи распределители (судьи) и палачи, непосредственно душащие и режущие обреченного, убивают человека, истерзанного душевной пыткой, человека, внушающего сострадание.

Страшна предсмертная мука человека, насильственно разлучаемого с жизнью. Если можно с чем сравнить ее, то только с ужасом и тоскою заживо погребенного, проснувшегося в узкой могиле и напрасно стучащего в гробовую крышку. Ни один убийца не причиняет убиваемому столько зла и мучений, сколько причиняет своей жертве судья-человеко убийца.

Вспомните письма осужденных на смерть: сколько скрытой тоски в письмах самых мужественных и самых благородных из них. Прочтите „бытовое явление" В. Короленко.. „Последний день осужденного на смерть" В. Гюго и вы поймите, о чем говорится в этих строках. Припомните Гефсиманский сад:—душа моя болит смертельно", „Отче, если бы ты благоволил пронестичашу сию мимо меня"... „И был пот его, как капли крови, пад ающие на землю".

Нередки случаи, когда осужденные на смерть прибегали к самоубийству, не вынося часов предсмертной муки. И, если бы против самоубийства осужденных, не принимались варварские меры, немногие из этих страдальцев согласились бы ждать смерти из рук палачей.

Мысль о том, что осужденному неизбежно грозит разлука с близкими родными и разлука навсегда, увеличивает его муки. Ведь он понимает и то, чего не понимает судья, понимает, что приговаривая его к смертной казни, вместе с тем осуждают на нравственные муки, иногда

на смерть и тяжелые материальные лишения его мать, отца и детей. „Пусть я несу действительно заслуженное наказание, но что сделали эти невинные?—спрашивают... приговоренныйи к смерти это называют правосудием! Я не говорю уже о бедной старой матери: ей шестьдесят четыре года, она не перенесет удара... И не жена безпокоит меня: у ней хрупкое здоровье и слабые нервы, она тоже скоро умрет, если не сойдет с ума... Но моя дочь, моебедное дитя"... (Гюго. Последний день осужденного).

Еще ужаснее предсмертные муки заложников, которых брали и берут в России. Еще ужаснее муки этих лиц, обреченных на смерть за чужую вину.

История доказывает, что заложники не удержат врагов данного общественного строя от агрессивных выступлений. Вспомним хотя бы парижскую Коммуну. Быть может, близкие родственники и друзья заложников воздержатся от выступления, но наличность заложниковне удержит от него чужих людей, Скорее, наоборот, опасаясь попасть в заложники и бытьубитым ни за что, ни про что, человек идет на политическое преступление. „Пропадать, так было бы за что, а не даром", говорят в таких случаях. Решившись отдать свою жизнь, человек не остановится перед смертью заложников.

И каждый раз, когда берутся заложники, массы людей начинают шептаться о трусости и слабости правительства.

Нет надобности говорить о том, что смертная казнь является наглейшим издевательством над человеческим достоинством, над человеческой личностью. Но ведь, этих слов не могут понять сторонники смертной казни. Непонимание, это—„страшный ужас", если можно так выразиться. Сатана, по мнению Салтыкова, тем и ужасен, что смотрит непонимающим взором.

Ссылками на необходимость чтить человеческое достоинство нельзя аргументировать с палачами.

В последнее время, к стыду человечества, помимо утомительного повторения затасканных архи-буржуазных доводов за смертную казнь, был выдвинут не то, что довод, а хулиганский выкрик:—„не надо миндальничать". Нельзя понять как дошли до такого падения лица, называющие себя революционерами. Но как видно, прав был А. И. Герцен, говоря, что „ужасно трудно" „примириться с тем, что мстить всем обществом преступнику, мерзко и глупо, что целым собором делать безопасно и хладнокровно столько же злодейства над преступником, сколько он сделал, подвергаясь опасности и под влиянием страсти—отвратительно и безполезно".

Убивают человека, как взбесившуюся собаку и на спех зарывают его тело. Но не лучше старый государственный церемониал—эта зловещая пародия на похороны: к эшафоту, к могиле движется колесница, священник в трауре, гроб, саван, надеваемый на живого человека. Все это видит здоровый, полный сил человек, видит этот кошмар на яву, а впереди мелькает виселица, плаха, готовые пристрелить его палачи.

Не меньшим кошмаром является убийство осужденного пулей в затылок, в тот момент, когда он и не подозревает, что ему вынесен приговор тайным судом, или даже и тогда, когда он знает, что его решено убить. Чем то низким, трусливым веет от такого вида смертной казни, хотя, конечно, все ее виды отвратительны.

Смертная казнь преступнее простого убийства, потому, что про-

стому убийце грозит наказание. Он рискует, совершая преступление, нарваться на сопротивление, рискует, что ему отомстят, тогда как судьи, убийцы и палачи получают за свои безчеловечные убийства деньги, жалованье—цену крови.

Ужаснее же всего в этом то, что все эти безчеловечные насилия и убийства, кроме прямого зла, которое они причиняют жертвам насилия и их семьям, причиняют еще большее, величайшее зло всему народу, разнося быстро распространяющееся, как пожар на сухой соломе, развращение всех сословий русского народа. Распространяется же это развращение особенно быстро среди простого, рабочего народа“ ..писал Л. Н. Толстой. Развращение идет все глубже и глубже Даже дети начали играть в смертную казнь и эти „игры“ кончались иной раз смертью „осужденных“. В „Известиях Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета“ (от 12 октября 1919 г.) помещено сообщение из Дубокрайской волости (Западный край) о том, что волостной совет постановил; „согласно постановлению высшей власти, все виновные, пойманные в тайном винокурении самогонки, убиваются на месте преступления, а имущество их конфискуется“ ....Конечно, высшая власть не издавала такого закона, но, ведь, людей казнили у нас за большие пустяки, чем тайное винокурение, казнили и за него. Развращение шло еще дальше, дойдя до ужасов, о которых я не хочу говорить. Конечно, правительство оставило без внимания заявления какого то автора о том, что пролетарское правительство не имеет права амнистировать политичеекых и других преступников, но, ведь, речь идет здесь только о глубине нравственного падения, правда, безнадежно тупых людей.

Убийства, изнасилования, грубые обиды и угрозы все чаще и чаще совершаются и раздаются в стране массовых смертных казней. Создались уже трафаретные кладбищенские шуточки. Оно понятно: нельзя безнаказанно для солидарности, для дела социализма санкционировать убийство безоружных, отвратительный вид насилия.

„Основанная на крайнем пренебрежении к человеческой личности“, „смертная казнь в современном государстве авляется... гнилостным явлением, отравляющим народную психику“, **говорит проф. Люблинский.**

Почти все правительства — и деспотические и недеспотические — применяют смертную казнь к возставшим против них с оружием в руках людям. Но правители, какие бы цели они ни преследовали, такие же люди, как и все, а нередко далеко не лучшие люди. Никаких доводов, кроме шкурного страха, и в этом случае нельзя привести. Нелепо считать доводом заявления всевозможных правителей, что они выражают волю народа, что они его благодетели, почему их активные враги и должны караться смертью, Это не довод, а мрачное шутовство.

Умные правители не раз считали смертную казнь в высшей степени неудачной мерой в деле предупреждения возможных восстаний. Английский король Генрих VII, подавив в конце 15-го стол. возстание Иоркской партии, ограничился тем, что пригласил лордов Десмонта и Ормanда, (короновавших 10-ти летнего Симпеля, как короля Эдуарда), на обед, за которым прислуживал самозванец Эдуард (то есть Симпель), занявший к этому времени должность придворного лакея. Мятежников, поддержавших самозванца Варбека, выдававшего себя за Ричарда IV-го Генрих только оштрафовал, а самозванца посадил в тюрму.

История ясно показывает, каким неудачным средством предупреждения востаний является смертная казнь. Чем жесточе наказание для воставших против власти, тем ужаснее мстят воставшие и в тех местностях, где они имеют хотя бы временный успех, нещадно казнят приверженцев правительства и его представителей.

Как это ни странно, но в наше время приходится слышать заявление, делавшееся в разгар царской реакции о том, что смертная казнь должна применяться к лицам, оказавшим вооруженное сопротивление войскам или полиции. В царское время делалась лицемерная ссылка на гуманность применения в данном случае смертной казни. Говорилось, что, если в данном случае не будет применяться смертная казнь, то полицейские и солдаты, зная о малом, сравнительно наказании, которое грозит сопротивляющимся, будут убивать таких лиц по ничтожнейшему поводу. Так как здесь „заботились“ о „благе“ лиц, на которых нападали полиция и войска, то выходит так, что эти лица предпочитают быть наверняка повешенными или растрелянными за свое сопротивление после этого сопротивления, чем не наверняка быть застрелянными в схватке с солдатами или полицейскими.

Аргументируя таким образом придется назначить смертную казнь за конокрадство, так как раздраженные крестьяне убивают иной раз конокрадов, а, если будут знать, что этих воров убьют по приказу суда, то воздержатся от таких далеко не частых убийств. Ясно, что для прекращения самосудных и безсмысленных убийств нужна не смертная казнь тех лиц, на которых обрушиваются эти убийства, а запрещение государством таких самоуправных действий.

4П 874

Р. В. Ц. Москва, 31-я Тип. М. С. Н. Х. Никольская, 1—3.